

Фрагмент из романа

Byung-Chul Han
Transparenzgesellschaft
Matthes & Seitz, Berlin 2012
ISBN 978-3-88221-595-3
с. 5-24

Бьун-Чул Хан
Прозрачное общество

Перевод с немецкого Святослава Городецкого

Я живу тем, чего другие обо мне не знают.

Петер Хандке¹

Позитивное общество

Сегодня ни одно понятие не характеризует общественный дискурс сильнее понятия прозрачность. Чаще всего на него напирают в связи с информационной независимостью. Повсеместное требование прозрачности, утрируемое вплоть до фетишизации и тотализации, связано с произошедшей сменой парадигм, которую нельзя объяснить, исходя исключительно из политических и экономических реалий. Общество негативности сегодня уступает место обществу, в котором негативность постепенно вытесняется позитивностью. Поэтому прозрачное общество, прежде всего, манифестирует себя как общество позитивное.

Вещи становятся прозрачными, когда утрачивают всяческую негативность, когда их *приглаживают* и *выравнивают*, когда они беспрепятственно вливаются в ровные потоки капитала, коммуникации и информации. Действия становятся прозрачными, когда они *операционны*, когда они подчиняются прогнозируемому, управляемому и контролируемым процессам. Время становится прозрачным, когда оно гладко вытекает из имеющегося настоящего. Таким образом, будущее позитивизируется в оптимальное настоящее. Прозрачное время – время, лишенное судьбы и события. Зрительные образы становятся прозрачными, когда, лишившись всякой драматургии, хореографии и сценографии, всякой герменевтической глубины, да и всякого смысла, они превращаются в порнографию. Порнография – это непосредственный контакт зрительного образа и глаза. Прозрачными вещи становятся, когда лишаются сингулярности и характеризуются лишь ценой. Деньги, наделяющие нас способностью *сравнивать* что

¹ Peter Handke, *Am Felsfenster morgens*, Salzburg 1998, S. 336. [Хандке П. У скального окна утром.]
© 2013 Litrix.de

угодно с чем угодно, лишают вещи всяческой несоизмеримости, всяческой сингулярности. Прозрачное общество – это *ад одинакового*.

Тот, кто сводит прозрачность к информационной независимости и борьбе с коррупцией, неверно определяет ареал ее воздействия. Прозрачность – это *системное* принуждение, охватывающее все общественные процессы и подвергающее их глубинному изменению. Сегодня общественная система подчиняет все свои процессы требованию прозрачности, чтобы операционализировать их и ускорить. Ради ускорения снижается степень негативности. Коммуникация достигает максимальной скорости, если одинаковое отвечает одинаковому, если происходит *цепная реакция одинакового*. Негативность *ино-* и *чужеродности* или сопротивляемость *ино*го мешает беспрепятственной коммуникации одинакового и затягивает ее. Прозрачность стабилизирует и ускоряет систему за счет уничтожения *ино*го или *чужого*. Это системное принуждение превращает прозрачное общество в общество насильственного гляйхшальтунга. В этом его тоталитарная черта: «Прозрачность – новое слово для гляйхшальтунга»².

Прозрачный язык – это формальный, да что там машинальный, операциональный язык, лишенный всякой амбивалентности. Еще Гумбольдт указывал на основополагающую непрозрачность, присущую человеческому языку: «Произнося слово, никто не думает то же, что [думает] другой, и эта пусть даже небольшая разница распространяется по всему языку, как круги по воде. Поэтому любое понимание – это всегда одновременно и непонимание, любое соответствие мыслей и чувств – одновременно их разрозненность»³. Мир, состоящий лишь из информации и поддерживающий ее беспрепятственную циркуляцию, уподобился бы машине. Позитивное общество обусловлено «прозрачностью и пошлостью информации в системе, утратившей

² Такую дневниковую запись сделал Ульрих Шахт 23 июня 2011 г. Ср. Ulrich Schacht, *Über Schnee und Geschichte*, Berlin 2012.

³ Wilhelm von Humboldt, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Berlin 1836, S. 64. [Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода.]

событийность»⁴. Принуждение к прозрачности низводит человека до уровня функционального элемента некоей системы. В этом заключено насилие прозрачности.

Человеческой душе явно необходимы сферы, в которых она будет *сама с собой*, а не под чужим присмотром. Ей присуща непроницаемость. Если высветить ее целиком, она *выгорит*, приведя к особому роду *душевных burnouts*. Прозрачны только машины. Спонтанность, событийность и свобода, которые и составляют жизнь, не допускают никакой прозрачности. Вот что Вильгельм фон Гумбольдт писал о языке: «В человеке может возникнуть нечто, причины чему рассудок невластен отыскать в предыдущих состояниях; и мы [...] погрешили бы против исторической правды возникновения и изменения этого нечто, если бы целиком исключили возможность таких необъяснимых возникновений»⁵.

Наивна также и идеология «post privacy». Во имя прозрачности она требует полного отказа от личной сферы, чтобы тем самым достичь прозрачности в общении. Основывается же она сразу на нескольких ошибках. Человек непрозрачен *даже для самого себя*. Согласно Фрейдю, «я» отрицает как раз то, чего безгранично хочется подсознанию. «Оно» остается в значительной степени скрытым от «я». В человеческой душе разверзается *пропасть*, не позволяющая «я» отождествиться с самим собой. Эта изначальная пропасть лишает человека внутренней прозрачности. Та же пропасть есть и между людьми. Поэтому невозможна и межличностная прозрачность. И стремиться к ней тоже не стоит. Как раз отсутствие прозрачности в другом придает отношениям жизненную силу. Георг Зиммель пишет: «Сам факт абсолютного знания, исчерпанности духовных сил отрезвляет нас даже без предшествующего одурманивания, парализует жизнестойкость взаимоотношений... Насыщенная глубина отношений, в которых за каждым последним откровением благоговейно скрывается последующее [...] – лишь награда за нежность и самообладание, которое даже в самых близких, целиком

⁴ Jean Baudrillard, Die fatalen Strategien. Die Strategie der Täuschung, München 1992, S. 29. [Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии.]

⁵ Humboldt, Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, a.a.O., S. 65.

охватывающих человека отношениях уважает личное пространство и ограничивает право на вопрос правом на тайну»⁶. Принудительной прозрачности как раз не хватает такой «нежности», которая по сути выражает лишь уважение к неистребимой до конца инаковости. Ввиду пафоса, охватившего нынешнее общество, представляется необходимым приучать себя к *пафосу дистанцированности*. Дистанцированность и стыд не позволяют вовлечь себя в ускоряющиеся круговороты капитала, информации и коммуникации. Поэтому все приюты уединения уничтожаются во имя прозрачности. Их выставляют напоказ и эксплуатируют. Из-за чего мир становится бесстыдной и обнаженной.

Автономия одного подразумевает и свободу непонимания у другого. Сеннетт отмечает: «Вместо одинакового понимания и прозрачной одинаковости, автономия предлагает принимать в другом то, что нам непонятно – скрытую одинаковость»⁷. Прозрачные отношения – это, к тому же, *отжившие отношения*, утратившие всякую *притягательность*, всякую *жизнеспособность*. Совсем прозрачно лишь то, что мертво. Мы бы добились *нового просвещения*, если бы признали, что есть позитивные, продуктивные сферы человеческого бытия и сосуществования, которые не иначе как губятся принудительной прозрачностью. Ницше пишет: «*Новое просвещение*. [...] Тебе недостаточно знать, в каком незнании живут люди и звери; еще тебе надо овладеть волей к незнанию и приучиться к нему. Тебе надо понять, что без такого рода незнания сама жизнь была бы невозможна, что оно – необходимое условие, для того чтобы все живое сохранялось и процветало»⁸.

Как уже было доказано, увеличение количества информации не ведет к принятию лучших решений⁹. Интуиция превосходит имеющуюся информацию и следует своей собственной логике. Растущая, а то и

⁶ Georg Simmel, Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Gesamtausgabe, Bd. 11, Frankfurt a.M. 1992, S. 405. [Зиммель Г. Социология. Исследования форм обобществления.]

⁷ Richard Sennett, Respekt im Zeitalter der Ungleichheit, Berlin 2004, S. 151. [Сеннетт Р. Уважение в эпоху неравенства.]

⁸ Friedrich Nietzsche, Nachgelassene Fragmente Frühjahr-Herbst 1884, Kritische Gesamtausgabe VII.2, Berlin 1973, S. 226. [Ницше Ф. Фрагменты из наследия. Весна-осень 1884 г.]

⁹ Ср. Gerd Gigerenzer, Bauchentscheidungen. Die Intelligenz des Unbewussten und die Macht der Intuition, München 2007. [Гигеренцер Г. Решения желудком. Интеллигенция неведомого и власть интуиции.]

громоздящаяся масса информации сегодня снижает способность к вынесению собственных суждений. *Меньшие* знания часто приводят к *большему*. *Негативность* игнорирования и забвения нередко оказывается продуктивной. Прозрачное общество не терпит ни информационных, ни *зрительных лагун*. А мышлению и воображению необходимо *пустое пространство*. Кстати, слово «Glück» (счастье) сродни слову «Lücke» (лагуна). На средневерхненемецком по-прежнему говорят «gelücke». Поэтому общество, не оставляющее негативности лагуны, будет *несчастливым обществом*. Любовь без зрительной лагуны – это порнография. А мышление без лагуны знаний низводится к расчету.

Позитивное общество распрощалось и с диалектикой, и с герменевтикой. Диалектика основывается на отрицании. Поэтому гегелевский «дух» не отворачивается от негативного, а вмещает его в себе. Негативность питает «жизнь духа». *Другое в том же самом*, создающее негативное напряжение, не дает духу умереть. По Гегелю, дух «властен» лишь до тех пор, пока «он смотрит негативному в глаза, пребывает с ним»¹⁰. Это *пребывание* – «волшебная сила, возвращающая к жизни». А тот, кто придерживается только позитивного, лишен духа. Дух *медлителен*, поскольку пребывает с негативным и анализирует его. Прозрачная же система ради ускорения отказывается от какой бы то ни было негативности. Пребывание с негативным уступает место гонке за позитивным.

Позитивное общество не допускает никаких негативных чувств. Люди забывают, как справляться со страданиями и болью, как придавать им *форму*. По Ницше человеческая душа обладает такой глубиной, величием и силой именно из-за пребывания с негативным. Человеческий дух тоже *рождается в муках*: «То напряжение души в несчастье, придающее ей силу [...], находчивость и храбрость вынести, сопротивляться, объяснять и использовать несчастье, и все, что дано ей от глубины, тайны, маски, духа, хитроумия, величия – разве все это не

¹⁰ Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Phänomenologie des Geistes, Hamburg 1952, S. 30. [Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа.]
© 2013 Litrix.de

дается ей страданиями, культивированием страдания?»¹¹ Позитивное общество настраивает душу на совсем другой лад. В ходе своей позитивизации любовь также становится сгустком удобных чувств, несложных и никуда не ведущих возбуждений. Так Ален Бадью в «Хвале любви» ссылается на слоганы виртуальной службы знакомств «Meetic»: «Можно влюбиться, не утопая в любви (*sans tomber amoureux*)!» Или: «Влюбиться и не страдать – проще простого!»¹² Любовь, сведенная к удобной потребительской формуле, дрессируется и позитивизируется. Боль нельзя причинять ни в коем случае. Страдания и страсти – образы негативного. С одной стороны, они уступают лишенному негативности наслаждению. С другой стороны, их место занимают такие психические расстройства как изнеможение, усталость и депрессия, возникающие из-за переизбытка позитивного.

Теория, с точки зрения чувств, это тоже *проявление негативности*. Она *децизионна* и решает, что к ней относится, а что нет. Как высокоселективный нарратив она проводит между разграничений. Ввиду этой негативности теория *насильственна*. Она «предназначена для того, чтобы не дать вещам слиться друг с другом», и «разделить то, что уже смешалось»¹³. Без негативности разграничения все неизбежно приходит к общему нарастанию и промискуитету. В этом отношении можно вспомнить о теории церемонии, разделяющей иницируемое от неиницируемого. Было бы ошибкой предполагать, что *позитивная* масса данных и информации, которая сегодня разрастается выше всяких пределов, делает теорию излишней, что анализ данных заменяет модель. Теория как нечто негативное существует *до* позитивных данных и *до* моделей. Основанная на данных позитивная наука – не причина, а, скорее, следствие предшествующего *конца теории* в строгом смысле этого словосочетания. Теорию непросто заменить позитивной наукой. Последней не хватает негативности децизионности, решающей что *есть* или должно *быть*. Теория как нечто негативное показывает реальность в совсем ином свете.

¹¹ Friedrich Nietzsche, *Jenseits von Gut und Böse*, Kritische Gesamtausgabe, VI.2, Berlin 1968, S. 167. [Ницше Ф. По ту сторону добра и зла.]

¹² Alain Badiou, *Lob der Liebe*, Wien 2011, S. 15. [Бадью А. Хвала любви.]

¹³ Baudrillard, *Die fatalen Strategien*, a.a.O., S. 219.

Политика – это *стратегическое* действие. Именно поэтому она принадлежит к тайной сфере. Полная прозрачность пойдет ей во вред. Согласно Карлу Шмитту, у «постулата общности» есть «особый враг в представлении, что любая политика связана с тайнами, политтехнологическими секретами, которые так же нужны абсолютизму, как коммерческие тайны нужны экономике, основанной на частной собственности и конкуренции»¹⁴. Лишь политика как *театрократия* обходится без тайн. Здесь политическое действие уступает место обычной инсценировке. По Шмитту, «партер множества Папагено» приводит к исчезновению всякой тайны: «У XVIII века еще было достаточно самоуверенности, чтобы решиться использовать аристократическое понятие тайного. В не столь решительном обществе не останется ни секретов, ни иерархий, ни тайной дипломатии, ни даже политики, потому что тайна – неотъемлемый атрибут великой политики. Все будет разыгрываться перед кулисами (перед партером множества Папагено)»¹⁵. Поэтому конец тайны был бы и концом политики. И Шмитт требует от политики «смелости утаивать»¹⁶.

Партия пиратов как партия прозрачности предлагает развитие в сторону *постполитики*, то есть деполитизацию. Это антипартия, *первая партия без цвета*. У прозрачности нет цвета. Цвета допускаются не как идеологии, а лишь как не идеологизированные мнения. Мнения не влекут за собой никаких последствий. Они не настолько всеобъемлющи и всеохватны, как идеологии. Им недостает пробивной негативности. Поэтому сегодняшнее *общество мнений* никак не соприкасается с тем, что уже существует. Гибкость «liquid democracy» заключается в том, что она меняет окрас в зависимости от конъюнктуры. Партия пиратов – бесцветная партия мнений. Политика уступает место администрированию общественных потребностей, которое не меняет рамок существующих социально-экономических отношений, а закрепляет их. Являясь

¹⁴ Carl Schmitt, *Römischer Katholizismus und politische Form*, Stuttgart 2008, S. 48. [Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма.]

¹⁵ Там же, S. 47.

¹⁶ Там же, S. 58.

антипартией, партия пиратов не в состоянии озвучить *политическую волю* и задать *новые общественные координаты*.

Требование прозрачности весьма эффективно стабилизирует существующую систему. Прозрачность позитивна сама по себе. Ей не присуща та негативность, которая могла бы радикально поставить под сомнение имеющуюся социально-экономическую систему. По отношению к тому, что находится за пределами системы она *слепая*. Она лишь утверждает и оптимизирует уже существующее. В этом она согласуется с постполитикой. Совсем прозрачно лишь деполитизированное пространство. Политика без референций превращается в *референдум*.

Главный отзыв позитивного общества звучит так: «Мне нравится». Характерно, что «Фейсбук» последовательно противится введению значка «Не нравится». Позитивное общество избегает любых заигрываний с негативностью, поскольку она тормозит общение, ценность которого измеряется лишь количеством передаваемой информации и скоростью передачи. Накопление коммуникационной массы ведет к увеличению экономической стоимости. Негативные отзывы наносят коммуникации ущерб. После «лайка» общаться легче, чем после «дислайка». У негативности отказа нет никакой рыночной стоимости.

Прозрачность и истина – не одно и то же. Истина с этой точки зрения даже негативна, поскольку она определяет сама себя, объявляя все *иное* ложью. Увеличение или накопление информации не приводит к обретению истины. Поскольку у информации нет вектора: нет *смысла*. Именно из-за отсутствия негативности истинного и происходит нагромождение и массовое накопление позитивного. Гиперинформация и гиперкоммуникация свидетельствуют как раз об *отсутствии истины* и даже об отсутствии бытия. Увеличение информации и коммуникации не создает более *четкого представления о целом*. А, скорее, размывает его границы.

Выставочное общество

Согласно Вальтеру Беньямину, вещам, которые находятся на «службе у культа», «важнее, что они есть, чем то, что их видят»¹⁷. Их «культовая ценность» зависит от их существования, а не от того, что их выставляют напоказ. Практика хранения их в недоступных помещениях, куда не могут заглянуть посторонние, повышает их культовую ценность. Поэтому некоторые изображения Мадонны не выставляются почти целый год. Некоторые статуи богов в целле доступны лишь священникам. Негативность разделения (*secret, secretus*), отграничения и ограждения составляет одну из основ мира культа. В позитивном обществе, где все вещи становятся товарами и, если хотят *быть*, подлежат *выставлению напоказ*, культовую ценность замещает выставочная стоимость. Само бытие не имеет для выставочной стоимости никакого значения. Все, что предоставлено себе, пребывает в себе, больше не имеет никакой ценности. Ценность и стоимость у вещей появляются лишь тогда, когда на них *смотрят*. Принудительное выставление напоказ совершенно уничтожает *ауру* как «явление далекого»¹⁸. Выставочная стоимость завершает формирование капитализма и уже не сводится к марксистскому противопоставлению потребительной и меновой стоимостей. Она уже не потребительная, потому что выведена из сферы потребления, и не меновая, потому что не отражает затрат рабочей силы. Она существует лишь благодаря привлечению внимания.

С одной стороны, Беньямин указывает на то, что на фотографиях выставочная стоимость совершенно вытесняет культовую ценность. С другой стороны, он отмечает, что культовая ценность оказывает некоторое сопротивление: у нее есть последний оплот. Это «человеческий облик». Поэтому неслучайно портрет – основной жанр ранней фотографии. В «культе воспоминания о далеких или умерших ближних» культовая ценность зрительного образа обрела «последнее

¹⁷ Walter Benjamin, *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit*, Frankfurt a.M. 1963, S. 21. [Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости.]

¹⁸ Подразумевается понятие ауры у Беньямина, которую тот определял «явлением далекого». (Прим. перев.)
© 2013 Litrix.de

убежище»¹⁹. В «мимолетном выражении человеческого лица» на ранних фотографиях еще просматривается аура. Она-то и придает этим снимкам «печальную и ни с чем не сравнимую красоту». Однако, если человека на фотографии нет, выставочная стоимость полностью торжествует над культовой ценностью.

«Человеческий облик» с его культовой ценностью сегодня давно пропал из фотографии. В эпоху «Фейсбука» и «Фотошопа» «человеческий облик» превратился в «фейс», целиком растворяющийся в своей выставочной стоимости. «Фейс» – это *выставочное лицо*, лишенное какой бы то ни было «ауры взгляда»²⁰. «Фейс» как *surface* прозрачнее любого лица или облика, которые для Эмманюэля Левинаса представляют собой прекрасное место для выражения *трансцендентности Другого*. А прозрачность, транспарентность, – это антипод трансцендентности. «Фейсу» присуща *имманентность* одинакового.

Цифровая фотография напрочь лишена всякой негативности. Ей не нужны камера-обскура и проявление. У нее нет *негатива*. Она – чистейший *позитив*. Становление, старение, умирание – ничего этого нет: «Она (фотография) разделяет судьбу (преходящей) бумаги, и даже если ее зафиксировали на более жестком материале, она не менее смертна: она, как живой организм, рождается из серебристых зернышек и на мгновение расцветает, чтобы тут же состариться. Под влиянием света и влажности она бледнеет, тускнеет и исчезает...»²¹ Ролан Барт связывает с фотографией форму жизни, которой присуща негативность времени. В этом случае, правда, сравниваются технические условия, их аналогичность. Цифровой фотографии соответствует совсем другая форма жизни, в которой остается все меньше негативности. Она – прозрачная фотография без рождения и смерти, без судьбы и события. Судьба не прозрачна. Прозрачной фотографии не хватает семантических и временных привязок. Вот почему она *не говорит*.

¹⁹ Walter Benjamin, *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit*, Frankfurt a.M. 1963, S. 23.

²⁰ Baudrillard, *Die fatalen Strategien*, a.a.O., S. 71.

²¹ Roland Barthes, *Die helle Kammer. Bemerkung zur Photographie*, Frankfurt a.M. 1989, S. 104. [Барт Р. *Camera lucida*.]

Временная форма «так-было-когда-то» для Барта составляет сущность фотографии. Фотография свидетельствует о том, что *было*. Поэтому ее лейтмотивом становится *печаль*. Для Барта дата – это часть снимка, потому что «она позволяет запечатлеть и задуматься над жизнью, смертью и неизбежным исчезновением поколений»²². Дата говорит о смертности, о преходящести. По поводу фотографии Андре Кертеса Барт замечает: «Возможно, Эрнест, низенький школьник, которого Кертес сфотографировал в 1931 году живет и сейчас (но где? как? что за роман!)»²³ У сегодняшней фотографии, наделенной выставочной стоимостью, совсем другие отношения со временем. Ей присуще *лишенное негативности настоящее* без судьбы, не допускающее повествовательного напряжения и драматургии «романа». Ее внешний вид отнюдь не романтичен.

В выставочном обществе любой субъект становится объектом собственной рекламы. Все измеряется его выставочной стоимостью. Выставочное общество – это порнографическое общество. Все обращено наружу, разоблачено, раздето, обнажено и выставлено напоказ. Избыток выставочности превращает все в товар, «без какой-либо тайны предлагаемый к потреблению»²⁴. Капиталистическая экономика подчиняет все необходимости выставляться. Стоимость возникает лишь благодаря выставочной инсценировке, от любой *самородности вещей* отказываются. Они исчезают не во тьме, а в избытке света: «Вообще говоря, зримые вещи оканчивают свой путь не в темноте и молчании, а растворяются в том, что виднее видного: в пошлости»²⁵.

Порнография уничтожает не только эрос, но и секс. Порнографическое выставление вызывает отчуждение сексуального желания. Она лишает возможности *жить желанием*. Сексуальность распадается на представление сексуальности женщинами и его оценку мужчинами.

²² Там же, S. 93.

²³ Там же, S. 93f.

²⁴ Baudrillard, Die fatalen Strategien, a.a.O., S. 71.

²⁵ Там же, S. 12.

Выставленное напоказ желание – это не желание. Необходимость выставляться приводит к отчуждению самого тела. Тело становится овеществленным выставочным объектом, который надо представить с лучшей стороны. *Жить* в нем уже невозможно. Его надо *выставлять* и тем самым *эксплуатировать*. Выставление – это эксплуатация. Императив выставления уничтожает саму *жизнь*. Если сам мир становится выставочным пространством, то жить уже невозможно. Жизнь уступает место рекламе, которая призвана повысить капитал внимания. «Wohnen» (жить, населять) изначально означает «быть довольным и в умиротворении задержаться»²⁶. Постоянная необходимость выставляться и представляться с лучшей стороны угрожает этому умиротворению. *Вещь* в хайдеггеровском понимании также исчезает полностью. Ее невозможно выставить, потому что она полна лишь культовой ценности.

Пошлостью отдает гипервизуальность, лишенная всяческой негативности скрытого, недоступного и тайного. Пошлы и ровные потоки гиперкоммуникации, лишенные всяческой негативности *инаковости*. Пошла необходимость отдавать все на откуп коммуникации и зрительной доступности. Пошло порнографическое выставление напоказ тела и души.

Выставочная стоимость зависит, прежде всего, от привлекательной внешности. Поэтому необходимость выставляться влечет за собой необходимость появления салонов красоты и фитнес-студий. Косметические операции преследуют цель максимизировать выставочную стоимость. За нынешними *кумирами* стоят не внутренние ценности, а внешние параметры, которым люди стараются соответствовать даже с помощью насильственных мер. Императив выставления приводит к абсолютизации зримого и внешнего. Незримого не существует, потому что у него нет выставочной стоимости и оно не привлекает внимания.

²⁶ Heidegger, Vorträge und Aufsätze, Pfullingen 1954, S. 149. [Хайдеггер М. Доклады и сочинения.]
© 2013 Litrix.de